

«ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА» ГЕГЕЛЯ В ТРАКТОВКЕ А. КОЖЕВА

«THE PHENOMENOLOGY OF SPIRIT,
HEGEL IN THE INTERPRETATION
OF A. KOZHEVA

E. Solina

Summary. the article reveals some peculiarities of interpretation A. Kozhev's the Leather Hegel's philosophy. Special attention is paid to the concept of alienation, its forms, interpretations, and characteristics. It is shown that the position of A. Kozheva is intermediate between the idealism of Hegel and the materialism of Karl Marx. In the opinion of the author, by A. Kozhev's seminar translates not so much of Hegel, but attempts through his philosophy assert its subjective-anthropological look at the history of human development and the problem of alienation.

Keywords: alienation, epistemology, labor, philosophical anthropology, dialectic, knowledge, ontology.

Солина Елена Михайловна

*К. ф. н., доцент, ГБПОУ НТГХиП, г. Нижний Новгород
elenasolina@yandex.ru*

Аннотация. статья раскрывает некоторые особенности интерпретации А. Кожевым философии Гегеля. Особое внимание уделяется понятию «отчуждение», его формам, трактовкам, особенностям. Показано, что позиция А. Кожева является промежуточной между идеализмом Гегеля и материализмом К. Маркса. По мнению автора статьи, А. Кожев не столько переводит Гегеля, сколько пытается через его философию утвердить свой субъективно-антропологический взгляд на историю развития человечества и на проблему отчуждения.

Ключевые слова: отчуждение, гносеология, труд, философская антропология, диалектика, познание, онтология.

На протяжении уже нескольких столетий мыслители анализируют творчество Гегеля. Одной из наиболее популярных работ для этой цели выступает «Феноменология духа», как его базовое, программное произведение, в котором он изложил основы своего учения. Стиль написания и изложения у Гегеля достаточно «труден для понимания, туманен, противоречив, не всегда последователен». Это открывает большие возможности для интерпретации и различного толкования этого большого по объему текста. Герменевтические возможности гегелевских текстов, в частности и «Феноменологии духа», расширяются и за счет различных его переводов — на разные языки различными переводчиками. Одну из таких попыток, на наш взгляд, очень своеобразную, в первой половине XX века осуществил А. Кожев.

Большинство современных российских мыслителей привыкли к «классическим переводам» Гегеля Г. Шпетом, поэтому, как верно отмечает переводчик А. Кожева «Введение в чтение Гегеля», он «не столько переводит, сколько истолковывает смысл гегелевских «темнот»» [1, с. 9–10]. Текст работы А. Кожева содержит несколько шрифтов, различные скобки, пояснения, возможные переводы с немецкого и французского на русский.

Мы будем рассматривать данный текст как истолкование А. Кожевным гегелевской философии через призму его собственного подхода. На наш взгляд, «Феноменология духа» Гегеля нужна А. Кожеву как основа для раскрытия и обоснования собственной позиции. В рамках

предложенной статьи мы уделим внимание только некоторым особенностям такой трактовки.

Интересно отметить, что выбираемые А. Кожевным главы — это места, в которых Гегель наиболее полно и относительно понятно говорит об отчуждении. Если допустить мысль о том, что А. Кожев достаточно адекватно трактует гегелевское понимание отчуждения, то он более ясно, образно и доходчиво раскрывает ее сущность и подтверждает мысль о том, что эта категория выступает основной, а не только методологической категорией, в философии Гегеля, без которой невозможно понять и воспроизвести его учение. Следует отметить еще одну яркую особенность философии А. Кожева — его пристрастие к учению К. Маркса.

А. Кожев в качестве эпитета берет слова К. Маркса, о том, что Гегель рассматривает труд «как подтверждающую себя сущность человека». Анализируя человека как самосознание, А. Кожев утверждает, что в созерцании раскрывается не субъект (человек), а объект, и только активная позиция человека (Желание) по отношению к познаваемому переводит его в позицию субъекта. «И только Желание превращает Бытие, само себе раскрывающееся в познании (истинном), в некий «объект», который открылся некоему «субъекту» как субъекту, от объекта отличному и ему «противостоящему» [1, с. 11–12]. На наш взгляд, здесь А. Кожев говорит не просто о необходимости первичного базисного гносеологического отчуждения как отличия, инаковости объекта и субъекта познания, а утверждает их принципиальную противо-

положность. Субъект познания противостоит объекту, так как любое действие выступает отрицающим, разрушающим объект как таковой, начиная с формы и заканчивая содержанием. На наш взгляд, процесс познания как отношение субъекта к объекту всегда начинается с отчуждения, с первичного гносеологического отчуждения (см. [6]), но чаще всего оно носит относительных характер и снимается в процессе успешного познания. В философии Гегеля (в традиционном ее толковании) это происходит именно так. Первичное гносеологическое отчуждение как необходимый момент начала познания у А. Кожева превращается из относительного в абсолютное. При этом само отчуждение рассматривается как разрушение, «негация», процессом познания оно не снимается, а обостряется, усиливается вплоть до разрушения, поглощения объекта ради удовлетворения Желания субъекта, объективная реальность заменяется на субъективную. То есть разрушение объекта неразрывно связано с созданием новой субъективной реальности, с определенным замещением одного другим. Это рассматривается как «нормальный», естественный, правильный процесс познания. Такая позиция А. Кожева позволяет продемонстрировать переход онтологии, как объективное наличие сущего, в гносеологию, как познание субъективно наличествующего, и гносеологии в антропологию, как существование субъективной (человеческой=познанной) реальности. Здесь особенно заметно влияние учения К. Маркса и марксизма о преобразовательной сущности человеческой деятельности. Познание как «негация» — это абсолютное отчуждение человека от природы и сущего, замещение их цивилизацией, преобразование естественного в искусственное, полное овладение и преобразование природного (животного) в техническое (в современном мире — технологическое). Такое понимание познания легко объясняет существующие глобальные проблемы человечества и особенно экологические. Здесь сразу можно заметить различия в «активизмах» Гегеля, К. Маркса и А. Кожева. У Гегеля — активность субъекта связана с процессом самопознания Абсолютной Идеи самой себя через мышление человека, его самопознание. У К. Маркса — это практическая деятельность человека и его общества (труд как таковой), скорее по созданию новой (человеческой=общественной) реальности с использованием природы. У А. Кожева — это психо-практическое состояние человека, носящее промежуточный характер между активизмом Гегеля и практицизмом К. Маркса, но иногда переходящее в абсолютный и беспредельный технологизм. Именно поэтому терминология А. Кожева имеет психологический характер и создает впечатление субъективизма: человек желает, не желает, может, не может и т.д. По отношению к гегелевской философии как объективному идеализму, трактовка А. Кожевным его философии делает ее более субъективной, в каких-то моментах, онтология выступает как антропология,

а объективизм превращается не просто в субъективизм, а даже солипсизм. Сам А. Кожев оценивает «Феноменологию духа» как: «Независимо от того, что думал на этот счет сам Гегель, «Феноменология» — это **философская антропология** (выделено мной — С.Е.). Ее предмет — человек как таковой, реальное сущее в истории. Метод Гегеля является феноменологическим в современном значении этого слова. Антропологию эту, таким образом, нельзя считать ни психологией, ни онтологией. Ее задача — описание целостной «сущности» человека, иначе говоря, *всех* человеческих «возможностей» (познавательных, аффективных, связанных с действием). Каждая данная эпоха и культура актуально (на деле) осуществляют не более чем одну-единственную «возможность»» [1, с. 44]. Таким образом, онтологическая картина мироздания Гегеля в трактовке А. Кожева превращается в антропологическую, цивилизационную, технологическую. А. Кожев как бы предвидел современный процесс антропологизации всего сущего и бытия как такового в пределах человеческой доступности [3].

Эта особенность проявляется и в замене пространственно-временного процесса самопознания Гегеля на временной (научно-технологический) антропоморфный процесс становления. «Я» как Самосознание есть становление во времени, но не в пространстве, оно должно быть тем, «что оно не есть». Таким образом, это «Я» оказывается произведением самого себя «... это направленное становление, осознанное развитие и произвольное движение вперед» [1, с. 13]. Отсюда небывалая ценность нового перед наличествующим, игнорирование прошлого и не замечание настоящего. Эта черта современного мировоззрения и познания раскрывается в ряде работ [2; 4].

Классический пассаж «о рабе и господине» в философии Гегеля в трактовке А. Кожева превращается в историко-антропологическую интерпретацию всего сущего и бытия как такового, что еще раз подчеркивает антропоморфическую направленность позиции А. Кожева. На наш взгляд, именно психологизм терминологии позволяет ему перейти от объективизма Гегеля к антропоморфизму и технологизму. С одной стороны, раскрывая «Я» как Самосознание через категорию «Желание», А. Кожев противопоставляет природное общественному, утверждая, что «человеческая реальность может быть только общественной», так как Желания отдельных особей становятся «Желаниями других особей. Если человеческая реальность — это реальность общественная, то общество человекно только как совокупность Желаний, которые распространяются друг на друга и желаются только как Желания... человекно желать то, чего желают другие, и потому что они этого желают... человеческая история — это история желаемых Желаний... Желание будет человеческим тогда, когда оно пересилит

желание самосохранения... И потому говорить о «происхождении» Самосознания — означает неминуемо вести речь о решимости рисковать жизнью (ради какой-то не-жизненной цели)... говорить о смертельной борьбе, которую ведут ради того, чтобы добиться признания.

Без этой борьбы не на жизнь, а на смерть, которую ведут из чисто престижных соображений (предельный психологизм=солипсизму — С.Е.), человек на земле так никогда бы и не появился» [1, с. 14–16]. С другой стороны, для осуществления такой борьбы нужно как минимум два таких субъекта, то есть человек становится человеком только в присутствии, в борьбе с другим человеком. По мнению А. Кожева, один человек как таковой человеком не может стать и быть. Название этих двух необходимо и неразрывно существующих друг с другом — Раб и Господин. «Иначе говоря, человек никогда не появляется на свет просто человеком. Он всегда — неминуемо и по сути — либо Господин, либо Раб» [1, с. 17]. Поэтому говорить о Самосознании («Я», человеке) — это значит говорить о взаимоотношении двух субъектов (Желаний), то есть о Господстве и Рабстве. Человеческая история «может быть только историей взаимоотношений Господства и Рабства; историческая «диалектика» — это «диалектика» Господина и Раба... если человеческая наука должна обрести достоинство окончательной и всеобщей истины, то взаимоотношения Господина и Раба должны окончиться их «диалектическим снятием» [1, с. 17–18]. Далее идет «классический» текст Гегеля в переводе Г. Шпета с небольшими в скобках комментариями А. Кожева. В тексте нет ни Желания, ни смерти, ни признания; есть для-себя-бытие, самосознание и другие гегелевские понятия. Но, не желая уходить от собственной антропологической трактовки Гегеля, А. Кожев в комментариях к его тексту в переводе Г. Шпета говорит о борьбе не на жизнь, а на смерть между двумя индивидами (людьми). По мнению А. Кожева, инобытие Гегеля означает, «что человек человекен только в той мере, в какой он хочет навязать себя другому человеку, заставить его признать себя» [1, с. 22]. На наш взгляд, это можно рассматривать как очень оригинальную, но опасную трактовку гуманизма, граничащую с оправданием любого насилия, включая и терроризм, как мероприятия заставляющего «признать кого-то или нечто». Борьба с этим «неким» есть своеобразное его признание.

Рассматривая борьбу не на жизнь, а на смерть, А. Кожев уточняет, что необязательно противника убивать, достаточно его «диалектически снять». «Это значит, что он должен сохранить ему жизнь и сознание, отобрав у него только самостоятельность...Иными словами, он должен его поработить» [1, с. 23–24]. При этом он мимоходом отмечает, что творчество — это действия, отрицающие данность. На наш взгляд, А. Кожев настолько одушевляет философию Гегеля, что появляется не фи-

лософия диалектики раба и господина, как абстрактное диалектическое взаимодействие двух противоположностей, а историческое описание взаимоотношений реальных рабов и господ.

В характеристике Раба и Господина, А. Кожев подчеркивает (ярко и натуралистично) отчужденность их сущностей: и от сущего, и от бытия как такового, и от природы, и от самих себя. «Господин заставляет Раба работать. Трудясь, Раб становится господином над Природой. Так вот, прежде он сделался Рабом Господина только потому, что — на первых порах — был рабом природы, был слит с ней, подчинялся ее законам ведомый инстинктом самосохранения. Становясь посредством труда господином над Природой, Раб, стало быть, освобождается и от своей собственной природы, от своего инстинкта, привязывающего его к природе и делавшего из него Раба» [1, с. 31]. Получается, что природа не позволяет человеку стать таковым, а оставляет его в животном состоянии. Затем, приходит Господин (интересно как он, не трудясь, стал и ЧЕЛОВЕКОМ, и Господином — существом с человеческими потребностями, способный заставлять других, себе подобных, удовлетворять его потребности, то есть трудиться — С.Е.), который подталкивает человеческое существо к тому, чтобы оно стало человеком, заставляя его трудиться. Труд, в трактовке А. Кожева, носит антагонистический характер по отношению к природе, да и к самому человеку. Он не снимает, а усиливает существующее абсолютное отчуждение между ними, доводя его до абсолютного антагонизма, в котором может выжить только одна сторона. Природа, по всей видимости, погибает, погибает господин, остается только освободившийся Раб. «Человек, не испытавший страха смерти, не знает, что наличный Мир природы враждебен ему (абсолютно отчужден, антагонистичен — С.Е.), что он грозит ему смертью, истреблением (на наш взгляд наоборот — С.Е.), что Мир этот по сути своей не приспособлен к тому, чтобы дать ему настоящее удовлетворение...революционное преобразование Мира предполагает «негацию», не-приятие наличного Мира в целом» [1, с. 37]. Одним из моментов такой негации выступает познание. Поэтому можно понимать познание как овладение природой, как ее полное преобразование (=уничтожение) для удовлетворения человеческих потребностей [5].

При этом оказывается, что история отчуждения Господина — это не трагедия с финальной гибелью и исчезновением, а драма Раба, не пошедшего до конца, на смерть ради признания — это триумф удовлетворения. «Значит, если удовлетворение человеку приносит только признание, то человек, который ведет себя по-господски, никогда удовлетворения не получит. И коль скоро поначалу человек неизбежно — либо Господин, либо Раб, то именно Раб, точнее тот, кто был Рабом, тот, кто прошел Рабство, кто его «диалектически снял» по-

лучит удовлетворение... «истина» Господина — это Раб и его труд» [1, с. 28]. (Тогда почему никто не хочет быть Рабом, а все хотят быть Господами? — С.Е.)

Как результат такого манифеста А. Кожев пишет: «Только Раб может преобразовать Мир, образовавший его и обрешивший на рабство, и сам образовывать такой Мир, в котором он будет свободным. И только подневольный труд, труд под страхом смерти на своего Господина, позволяет ему сделать это» [1, с. 38]. Возникает вопрос «А это возможно? А как же диалектика?» А. Кожев воспроизводит основное противоречие Гегеля — между конечной системой и бесконечным методом — Раб преодолел самого себя и Господина и стал свободным (господином или рабом? — С.Е.), тем самым завершился процесс, но метод диалектики должен продолжаться, он является бесконечным. У Гегеля в других терминах, это противоречие не так бросается в глаза, как в трактовке А. Кожева. Раб должен сохранять свое рабское положение и бороться с Господином до конца в вечности, непримиримо, только тогда этот процесс станет диалектическим и за негацией должно последовать недолгое непрочное примирение и опять бой, «и вечный бой, покой нам только снится».

Далее А. Кожев продолжает развивать линию рабства как свободы, не замечая основного противоречия гегелевской философии и ярко воспроизводя его в своем произведении. «Целостным человеком, абсолютно свободным, окончательно и полностью удовлетворенным тем, что он есть, человеком совершенным и завершенным в своем удовлетворении и благодаря ему, будет «снявший» свое рабство Раб. Если праздное Господство — это тупик, то работающее Рабство, напротив, есть источник всякого человеческого, общественного и исторического прогресса. История — это история трудящегося Раба. Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть отношения Господина и Раба (т.е. первый результат «первого» человеческого, общественного, исторического столкновения) не с точки зрения Господина, но с точки зрения Раба» [1, с. 29]. Будущее принадлежит освобожденному Рабу «переступающему» все лично-данное. Только труд делает человека человеком, но не любой, а только подневольный, «труд под страхом смерти». Так как не бывает Раба без господина, то Господин выступает необходимым элементом исторического процесса, «катализатором исторического, антропогенного процесса», после выполнения своей миссии, уходящего с исторической арены. Процесс завершился, система замкнулась. Диалектический (в трактовке А. Кожева = феноменологический) метод предполагает бесконечное движение и развитие сущего и наличного.

На наш взгляд, здесь не столько гегелевские мотивы господства и рабства, сколько марксистский подход

к отчуждению с позиций частной собственности и распространение этого подхода на весь онтологический процесс. Если в тексте А. Кожева «Раб» поменять на «пролетариат», а «диалектическое снятие» — на «пролетарскую революцию», то текст «прояснится и будет более понятным».

Не замечая марксовского влияния на свое мировоззрение, А. Кожев активно заменяет онтологию антропологией (К. Маркс делал ее социальной — С.Е.), уходит от объективности Гегеля с его относительным отчуждением в субъективную антропологию, характеризующуюся абсолютным отчуждением. Абсолютное отчуждение диалектически не может быть снято. В любом диалектическом процессе может присутствовать только относительная форма отчуждения, что хорошо показано в философии Гегеля в переводе Г. Шпета. Именно поэтому, в местах, где речь идет о «диалектическом снятии противоречия, разрешении отчуждения», А. Кожев прибегает к переводам Г. Шпета.

Как уже отмечалось, учение К. Маркса оказало огромное влияние на позицию и мировоззрение А. Кожева. Это проявляется и в антропологической трактовке отчуждения как первичной борьбы Господина и Раба, и в понимании бытия как исторического процесса их взаимодействия, и в особой сущности и роли труда в этом процессе. Именно в философии К. Маркса труд рассматривается как деятельность, раскрывающая сущность человека и человеческого бытия, исторического процесса. К. Маркс не отождествляет человеческое бытие с бытием как таковым, предмет его исследования — человеческое общество, сущность которого хорошо раскрывается через понятие «труд». Предметом мысли Гегеля выступает бытие как таковое (онтология — С.Е.), сущность которого раскрывается процессом отчуждения и его снятия, одним из элементов которого выступает человек, его труд и его история. А. Кожев, на наш взгляд, стоит на позициях марксизма и пытается распространить этот подход на все бытие как таковое. Таким образом, он создает своеобразную трактовку гегелевской философии с марксистской (= антропологической) точки зрения. Поэтому понятие «труд» в учении А. Кожева занимает одно из центральных мест, как и в философии К. Маркса. Труд выделяет человека из природы, избавляет его от страха, позволяет Рабу освободиться, переводит сознание в Самосознание, то есть раскрывает сущность человека. «Следовательно, только благодаря труду человек является сверх-природным реальным сущим, осознающим собственную реальность; как трудящийся он есть «воплощенный» Дух, исторический «Мир», «объективированная» История» [1, с. 34]. Под сущностью труда мыслитель понимает создание искусственного, преобразованного, хотя использует термин «technique», в переводе означает — технический. Труд — «это дея-

тельность, в процессе которой человек создает искусственный /technique — технический/, по существу человеческий Мир, столь же реальный, как и Мир природы, в котором живет животное» [1, с. 35]. Человеческий мир есть техническое произведение. Как техническое производство, труд соединяет в себе познание (наука), преобразование (практика) и целеполагающую деятельность. «Человек, который трудится, узнает в Мире, преобразованном его трудом, собственное произведение: он узнает в нем себя, свою собственную человеческую действительность» [1, с. 35]. То есть труд есть еще и познавательная деятельность, только через него может осуществляться познание. На наш взгляд, эта цитата раскрывает сущность современной науки как технико-технологического знания, как доминирующего способа познания. А. Кожев, интуитивно используя термин «technique», подчеркивает техническую сущность труда, познания, человеческого Мира, но остается в «плени марксизма и гегелевского Самосознания». «И Дух — это Человек, который овладевает миром посредством борьбы и труда» [1, с. 102]. Для А. Кожева техническое тождественно искусственному, произведенному, сотворенному руками и умом человека, противостоящему природному. В искусственном=техническом природное должно быть подвергнуто «негации», уничтожено. Абсолютное отчуждение между природным=животным и искусственным=техническим=человеческим является антагонистическим и может быть снято только за счет уничтожения одной из сторон — природной.

На наш взгляд, техническая сущность труда — это новая продуктивная идея, позволяющая более адекватно понять современный мир. Если труд раскрывает сущность человека, а его собственная, имманентная сущность есть техника (технология в современном их понимании, хайдеггеровское «техне»), то человек — это тот, кто производит, создает технику и Мир как техническое произведение. Следовательно, техника и есть сущность современного человека и мира, и есть все сущее. Таким образом, антропология растворяет в себе онтологию и становится Техникой.

Если кратко реконструировать позицию А. Кожева, то получится следующая картина развития отчуждения. Источником отчуждения являются человеческие взаимоотношения, которые первичны по отношению ко всему бытию как таковому (онтология заменяется антропологией, объективизм — субъективизмом, Гегель — Кожев). Антропологическое отчуждение выступает первичным, базовым и носит абсолютный характер. Гносеологическое отчуждение производное от первичного = антропологического, также носит абсолютный характер, так как человек может стать субъектом познания, только противопоставив себя объекту и полностью овладев им, создав свою субъективную реальность.

Третичным отчуждением выступает абсолютное отчуждение человека от природы как ее «негации». В комментариях к пониманию соотношения природы и человека А. Кожев прямо пишет о том, что человек чужд природному миру, поэтому он (человек) «должен подвергать его негации, преобразовывать, сражаться за то, чтобы осуществиться в нем. Но без этого мира, вне этого мира человек — ничто» [1, с. 23]. Величайшее откровение. Человек есть «дитя мира» восставшее против своего родителя и убивающего его (это ли не вечным миф об Эдипе — С.Е.). Таким образом, восставший против Господина и природы Раб, подневольно трудясь, создает человеческий=искусственный=технический Мир, подвергает «негации» Господина и природу для того, чтобы освободиться, стать целостным и... вновь на новом уровне вступить в борьбу с новым Господином и остатками природы. Так как «гегелевская диалектика — это не метод философского исследования или повествования, но адекватное описание *устройства* Бытия, а также описание его осуществления /realization/ и проявления /apparition de l'Être/» [1, с. 656], то борьба и труд, причем подневольный, будут вечными составляющими это Бытие.

Таким образом, можно выделить несколько особенностей трактовки А. Кожевным «Феноменологии духа» Гегеля. Во-первых, яркий психологизм, который во многом заменяет философскую, сложную терминологию Гегеля на психологически окрашенные, динамические понятия и категории. Динамический психологизм А. Кожева, на наш взгляд, выступает первопричиной, основой своеобразной трактовки им философии Гегеля в целом, и «Феноменологии духа», в частности. Во-вторых, проявления сущности Бытия (человек, труд, его история и жизнь) рассматриваются как само Бытие, бытие как таковое. Онтология заменяется антропологией, объективно сущее — субъективно существующим. В-третьих, абстрактное диалектическое взаимодействие господина и раба превращается в бытийно-историческое, первичное, определяющее все сущее и бытие как таковое. В-четвертых, особая роль и место отводится не только борьбе, «негации» и разрушению, но и труду как созданию искусственного=технического. Подчеркивается не культурная, а искусственная=техническая сущность человеческого мира. А. Кожев при характеристике сущности человеческого мира, особенно как противоположности, чуждости его природному использует термин «technique». В современном мире можно говорить о технологической его сущности. В-пятых, этот мир отчужден от мира природы, который трактуется как мир животных. Человек становится человеком, только выходя за рамки этого мира, и чем дальше он ушел от него, тем человечнее стал, диктуя свою волю природе, подвергая ее полной «негации». Это и есть классическое отчуждение человека от природы. Для А. Кожева оно носит абсолютный антагонистический характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кожев А. Введение в чтение Гегеля — СПб.: «Наука», 2003. — 792 с.
2. Павленко А. Возможность техники — СПб.: «Алетейя», 2010. — 224 с.
3. Солина Е. М. Антропологическая сущность бытия (онтологии) в современных условиях. // Социальные и гуманитарные науки: образование и общество. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции (23май 2014). Том 2. — Н. Новгород, 2014. — с.
4. Солина Е. М. Инновации в образовании: возможности и границы. // Социально-экономические проблемы регионов: экономика, образование, управление и право: сборник научных трудов международной научно-практической конференции в 2-х частях. — Н. Новгород: НФ МЭСИ, 2013 — часть 2 — С. 49–54
5. Солина Е. М. Познание как овладение // XI Международная научно-практическая конференция «Современные концепции научных исследований» — часть 5 — М., 27–28 февраля — 2015 — № 2–2015 — с. 117–119
6. Солина Е. М. Формы, виды, генезис отчуждения // Вестник Университета Российской Академии Образования — № 2 (75) — 2015 — М. — с. 88–93

© Солина Елена Михайловна (elenasolina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Нижегородский техникум городского хозяйства и предпринимательства